

ПЕРСОНА

-Как хорошо, что я дозвонилась. Скажите, пожалуйста, Зураб Константинович, все говорят о вашем творчестве. А мне интересны ваши друзья. Многие из них сохранили старых, как вместе прошли по жизни?

— Друзья у меня даже с детского сада и школы. У нас разные профессии. Вы наверняка знаете, как живут в Грузии. Это как большой двор, где дружно живут люди разных национальностей и профессий. Когда у меня было открытие выставки, многие приехали из Тбилиси. К сожалению, многие уже ушли из жизни. Друзья очень помогают.

— Скажите, вы доволыны, как прошла выставка, удовлетворила ли она вас?

— Я доволен, потому что эта выставка продемонстрировала объективность московской. Очень много хороших отзывов, разных мнений. Есть и плохие, но положительных значительно больше. Эти отклики на выставку я, безусловно, соберу и издаю.

— Повезло ли вам с учителями или вы считаете, что добились всего собственным талантом?

— Первую роль в моей жизни сыграли педагоги. Некоторые из них жили за границей, потом вернулись. Это были известные художники — В.Шухаев, И.Шарлемань, У.Джапаридзе, Э.Ахвледiani, Е.Лансерé и др., которые создали блестящую Академию в Тбилиси.

— А сами вы преподаете?

— Нет, сейчас не преподаю. Раньше в Тбилиси преподавал. Времени очень мало. Даже сейчас, когда с вами разговариваю, не перестаю рисовать.

— Зураб Константинович? Я — военный пенсионер, Григорьев Георгий Рубенович. Мне очень нравится ваш творчество. Москва стала богаче благодаря вам. У меня предложение. В Парке Победы скульптура — Ника и парящие ангелы... Если бы позолотить всю композицию: и багину, и ангелов, — смотрелось бы лучше.

— У меня по проекту было предусмотрено покрытие сусальным золотом. Этот вопрос еще стоит.

— Добрый вечер, Зураб Константинович. Мой семье — мой муж доктор наук, профессор. Я сама имею художественное образование: мы ваши поклонники. Дай Бог вам здоровья. Мы считаем вас талантливейшим человеком. Спасибо вам огромное. Скажите, пожалуйста, вас так мерзко чернили в газетах, говорили такие гадости, почему вы не бросили все, не уехали отсюда?

Фото: Андрей Егоров

ЗУРАБ ЦЕРЕТЕЛИ:

ПРОДАТЬ

ПО НАТУРЕ

— Во-первых, Москва на меня хорошо действует. Я люблю ее. Работаю в Москве более 30 лет и смотрю на все реально. Во-вторых, еще в детстве бабушка, одевая на меня крест, сказала одну христианскую истину, если тебе ударят по щеке — подставь другую. Не думай, что ругань в мою сторону можно расценить иначе. В 1979 году мы вместе с Сальвадором Дали и его Галой были в Организации Объединенных Наций и пили там в кафе кофе. Сальвадор Дали заметил, что последнее время его никто не ругает, наверное забыли...

— Я не верю, что те, кто ругал — полубоят. Ваши хулиганы — люди очень низкой культуры, и мне было ужасно обидно, что любимый "Московский комсомолец" печатал такие вещи.

— У каждого свои враги.

— С вами говорит скульптор Куприянов Яков Николаевич. Зачем таких два больших объекта было делать рядом — храм Христа и Петра. Для Петра лучше бы другое место...

— Это место по Генплану развития Москвы было давно запланировано для монумента. Здесь собирались поставить скульптуру В.Мухиной. Проектный институт предложил мне это место для памятника Петру.

— Ваше мнение, сам Храм Христа удачен?

— Он расположен в самом месте. Сам храм гармоничен по объему, а благодаря облицовке из белого камня, он хорошо работает в пространстве, особенно, когда солнце и чистое небо.

— По телевизору видел вашего Колумба в Испании. Парус, по-моему, там решен удачнее, чем петровские паруса в Москве...

— Может быть. Знаете ли вы, как трудно делать скульптуру... Это разные пластические решения, у них разные ветровые нагрузки.

— Влизи мне Петр больше нравится, там много красивых деталей. Но издалека он все-таки теряется на фоне мачты. И сама фигура издалека не читается...

— Сегодня времени нет, а завтра пойду и посмотрю ваши глазами...

— Слава Богу, дозвонился. О себе коротко. Виктор Анатольевич Тихонов, москвич. Спасибо вам за памятник России. Я говорю о Петре Первом. Но зачем вы сочетаете свою творческую работу с общественной? Есть ли у вас, как у других художников, своя школа? Ваш талант не должен кануть, должны быть люди, которые пойдут за вами.

— Творческую работу я веду в мастерской. Общественную — в Российской Академии художеств. Там тоже творческий дух и много творческих планов и идей. Пока они у меня есть, я буду продолжать работать и помогать художникам, сколько могу, а когда идея не будет, уйду... В Тбилиси у меня была мастерская в Академии художеств, где преподавал. В Москве такого нет, но, наверное, в скромном времени в Суриковском институте открою кафедру. Хочется передать молодому поколению художников свой опыт работы по эмали, применительно к монументальному искусству и по росписи на мокрой штукатурке.

— Зураб Константинович, Якорная московская Семёновна. Такой симпатичный мужчина, но творчество ваше я никак не воспринимаю.

— Мне жаль.

— Но Москва, мне кажется, не украшает ваши произведения.

— Что делать, если вы так думаете, что делать...

— Не надо ничего делать. Валяйте Грузию, чего вы наша Москву вяжете.

— Я работаю там, куда меня приглашают. Я не виноват, что мою скульптуру выбрали и установили перед зданием ООН в Нью-Йорке. По сегодняшний день идет приглашение и предложения работать, и я работаю во многих странах мира. Жаль, что вы оказались в меньшинстве.

— Зураб Константинович, это студент университета. Вас избрали президентом Академии, хотелось узнать, как академия собирается делать в ближайшее время, и вообще — нужна ли такая структура, как Академия художеств.

— 240 лет тому назад Елизавета осуществила мечту Петра I — создала Академию Художеств. Современная Академия состоит из учебной и научной части. В ее структуру входят ведущие художественные вузы в Москве — Суриковский институт, в Петербурге

Творчество — это всегда политика. Это зависеть недругов и спаситель друзей. Интриги, неприязнь и людскую благодарность — все сподни познал Зураб Церетели. Его таланту, мужеству и способностям можно только удивляться. Он стал самым деятельным монументалистом нашего времени. От замысла до воплощения он может доставить любую идею. Кажется, для него нет невозможного. Но его кипучей натуре этого мало. И вот он уже президент Российской Академии художеств, посол Доброй Воли ЮНЕСКО, член-корреспондент Королевской Академии Изящных Искусств Сан Фернандо в Мадриде, лауреат премии Пикассо, профессор Бруклесского университета изящных искусств в США, награжден высшей медалью Парижа "Вермий" и прочая, прочая... Под его взглядом в апреле в Москве собираются послы Доброй Воли — известные люди из разных стран. Это попытка нетрадиционной дипломатии. Но главное в Церетели на то, что он многое пытается сделать, а то, что почти все им задуманное воплощается в жизнь. О том и многом другом Зураб Церетели говорит в прямой линии с читателями "МК". Вера художнику исполнилось 65 лет.

— Репинский и лицем при каждом из них. В Москве при академии существует научно-исследовательский институт искусствознания. В Санкт-Петербурге у нас 14 музеев и уникальная научная библиотека. Кроме того есть отделение, объединяющее Сибирь и Дальний Восток, а недавно мы открыли в Саратове филиал академии и лицей для одаренных детей. Можно много говорить и о выставочной работе...

— А может, тогда не нужны никакие другие общества и Союз художников не нужен?

— Союз художников — это общественная творческая организация, а академия — государственная.

— Получается, государственная организация будет диктовать свою политику?

— Не политику, а искусство. Академия занимается развитием русской классической школы. Ее выпускники впоследствии становятся членами общественных творческих объединений — Союзов художников. Профессиональное, грамотное искусство — это богатство России.

— А если молодые художники хотят представить свои работы на суд академии, как это сделать?

— Для них мы сейчас открываем выставочные залы. На Петровке, 25, создан современный музей. Подобного в России еще не было. На Пречистенке, 21, когда закончится ремонт, будет огромная галерея выставочных залов, где найдется место и для молодых. Так что, если вы захотите в академии, сможете увидеть, что она делает.

— С вами говорит Ирина Семёновна. Я 30 лет после института прожила на Камчатке, потом переехала сюда, в Зеленоград. Я была на вашей выставке, я вам бесконечно благодарна за ту какую-то необыкновенную светлую грусть. Может быть, она оказалась в унисон всем моим бедам. Я похожа на близкого человека, было очень тяжело. Все слезы, которые у меня были, я их там выплакала. Вам большое спасибо за ваши картины, за все, что вы сделали.

— Спасибо, большое спасибо.

— Зураб Константинович, а не будет ли бесконечным нахальством, если я приглашу вас на камчатские пельмени?

— Спасибо, с удовольствием отведаю.

— Зураб Константинович, меня зовут Ира, я преподаватель пения. Сколько ваших работ в других странах мира?

— У меня три большие скульптуры стоят в Америке, начиная четвертую — Колумба. Есть работы в Париже, Токио, Бразилии, Португалии, Сирии, Испании и других странах. Если у вас будет желание, и вы захотите в Академию Художеств, я вам подарю книгу, там все есть.

— Зураб Константинович, здравствуйте, скажите, пожалуйста, как вы считаете, в настоящее время Академия художеств может стать таким центром культурной жизни, каким была при Екатерине II или Елизавете?

— Думаю, мы можем добиться даже большего. В России так много талантов и так интенсивно развивается российская школа. Благодаря у нас не меньше, чем в екатерининскую эпоху. Огромную роль в развитии искусства играет современная наука, новые, ранее неизвестные технологии и материалы. Особенно это важно для монументального искусства.

— Я посыпала несколько раз вашу выставку в Манеже. И теперь с нетерпением буду ждать вашей академической выставки, вы бы там участковали...

— Да, безусловно, буду.

— В Москве и Санкт-Петербурге хорошие художественные лицеи, где учатся талантливейшие дети. Это наша гордость. Ну что еще можно сказать? Идет проектирование уникального парка чудес для детей. Это многоцелевой парк, он особенный и не будет повторять уже существующие зарубежные парки.

— Хочу обратиться к вам как к президенту Академии художеств. Известно, что академия участвует в воссоздании храма Христа Спасителя. Очень много публики на этот счет, они очень противоречивы. Можете сказать, что там сейчас происходит?

— Как раз сегодня на строительстве был патриарх и внимательно смотрел, как идут работы. Патриарх часто приезжает на Храм. Он благословил нас на это святое дело. Сейчас в работе на Храме принимает участие 375 художников. Сроки крайне сжатые. И художники ответственно подходят к починенному делу. Работа идет активно.

— Скажите, а как вы относитесь к таким художникам, как Глазунов, Шилов?

— Александра Шилова и Илью Глазунова я ценю. Они профессионалы и любят свое дело.

— Здравствуйте, Вера Васильевна с вами говорят. Я прохожу несколько шагов на Тишинской площади. Мне очень интересно, как ее строили?

— Она собрана из русских и грузинских букв древнего и современного алфавитов. Выполнена из меди. Есть там и текстовая нагрузка: стихи русских и грузинских классиков, стихи русских поэтов о Грузии и грузинских — о России. Там строки Пушкина, Лермонтова, Грибоедова и даже художника Репина. На одном из картушей я дал стихи Бориса Пастернака в то время, когда о нем и слова сказать было нельзя. Московская интеллигенция, многие писатели тогда благодарили меня.

— Еще вопрос. "Трагедия народов" — мне нравится этот момент, очень жалко, что его поставили за центральную экспозицию, а нельзя ли его перенести к новой синагоге? Там бы он лучше смотрелся.

— Мне как автору нравится, где он сейчас стоит. Хорошо стоит. Сначала по сценарию задумывалось выстраивать ансамбль от tragedии к победе. Но, я думаю, правильно сделали, что его перенесли в парковую часть.

— Спасибо.

— Мой брат — великий футболист Лев Яшин. Он всегда говорил: «Люблю, когда комментирует Махарадзе».

— Передам, обрадую его. Когда Лев лежал в больнице, я нарисовал его портрет и отдал ребятам грузинам, которые специально ехали в Москву к нему в больницу. Они передали ему этот рисунок.

— Я думаю, что у вас все будет хорошо. Грузин мы любим, любим и ваше гостеприимство, и ваши хинкали. Лев перед смертью говорил — «Знает, как я вам всем завидую — только бы пожить». Поэтому я вам желаю — живите, как на фронте, день за три.

— Спасибо.

— Зураб Константинович, на вашей выставке мне запомнилась скульптура матери Терезы.

— Ну очень, очень рад.

— Вы были с ней знакомы?

— Да. Она приезжала в Тбилиси, я ее рисовал. Ее сестры, которые занимаются благотворительностью, сейчас снова находятся в Тбилиси. Мать Терезу я хорошо знал. Когда я нарисовал ее, она этот рисунок забрала с собой. Скульптуру матери Терезы с выставки на благотворительном вечере в Большом театре по случаю открытия в Москве первого хосписа наш мэр передал в дар этому хоспису.

— Вас беспокоит москвичка Маргарита Валентиновна. Хочу пожелать вам всего самого доброго, а главное — прожить как будущий до 91 года. Я не специалист: не архитектор, не художник, ничего не могу сказать хорошего, плохого — тем более. Мне все нравится. Когда гуляю на Поклонной горе, любуюсь вашим творчеством. Я вообще влюблен в Грузию...

— Спасибо.

— Мой брат — великий футболист Лев Яшин. Он всегда говорил: «Люблю, когда комментирует Махарадзе».

— Передам, обрадую его. Когда Лев лежал в больнице, я нарисовал его портрет и отдал ребятам грузинам, которые специально ехали в Москву к нему в больницу.

— Я думаю, что у вас все будет хорошо. Грузин мы любим, любим и ваше гостеприимство, и ваши хинкали. Лев перед смертью говорил — «Знает, как я вам всем завидую — только бы пожить». Поэтому я вам желаю — живите, как на фронте, день за три.

— Спасибо.

— Зураб Константинович, на это запомнилась скульптура матери Терезы.

<p